Кудрявцева Е.[1]П.

Турецкая дипломатия в первой половине XIX в[2].

Дипломатические отношения Османской империи с европейскими державами начались с 1454 г., при этом они существенно отличались от взаимоотношений между западными государствами. Российское посольство в Константинополе получило свой статус постоянного представительства в Османской империи еще при Петре 1. До этого времени в Турцию направлялись посольства с отдельными конкретными поручениями – заключить политический союз или договор. По Белградскому трактату 1700 г. России предоставлялось право иметь в Константинополе постоянного посланника; им стал в 1702 г. Петр А[3]ндреевич Толстой. Перед постоянным представительством России ставились совсем иные задачи, рассчитанные на длительную работу посольства в Турции и достижение результатов для дальнесрочных русско-турецких отношений. Посланники должны были обеспечить наиболее выгодные для России условия двусторонних отношений, подготовить заключение планируемых политических и экономических соглашений, отвечавших внешнеполитическим интересам российского правительства.

---

1. *Кудрявцева Елена Петровна* - доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Россия в международных отношениях» института российской истории РАН

2. Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00117а

3. *Теплов В.* Русские представители в Царьграде. 1496-1891. СПб. 1891. С.10.

В случае начала военных действий Порта заключала посла враждебной страны в Семибашенный замок. На протяжении XVШ в. пленниками этого замка побывали многие представители России в Турции: Толстой, Шафиров, Шереметев, Обресков и Б[1]улгаков. В X1X в., когда этот обычай остался лишь в преданиях европейских дипломатов, в российском посольстве еще служили чиновники, пережившие заключение в замке.

В 1793 г. Порта основала свои первые представительства в Париже, Вене, Лондоне и Берлине. Одновременно в Россию был послан стремянной Селима III Мустафа Расых-эфенди Он должен был содействовать восстановлению торговых отношений, договориться об освобождении пленных после[2]дней войны. Однако специальные посольства по конкретным поводам не могли заменить постоянных представительств с долгосрочными планами двусторонних отношений. Турецкие посольства в европейских странах прекратили свое существование в связи с началом Греческой революции 1821 г. Турецкое дипломатическое присутствие в Европе возобновилось лишь в 1834 г., когда были вновь открыты посольства Османской империи во Франции и Англии, а в 1835 г. – в Австрии. В 1837 г. была учреждена миссия в Берлине, а в 1840 – в Афинах. Мустафа Решид-паша стал первым послом Османской империи в Париже, а затем в Лондоне. С 1837 г. он возглавил министерство иностранных дел Турции. Именно в это время османские власти стали придавать особое внимание деятельности дипломатии как

---

1. *Теплов В*. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб. 1890. С.75.

2. *Шеремет В.И.* Сафьяновый портфель М.И.Кутузова//XVIII век: славянские и балканские народы и России. М.1998. С.119.

отдельного института государственного управления. До 1831 г. иностранными делами занимался *реис-улькюттаб*, один из помощнико[1]в Великого везира и глава всех канцелярий Дивана. В его обязанности входило составление докладов султану о положении дел в государстве. В канцелярии *амеди* хранились протоколы встреч с иностранными дипломатами. После создания министерства иностранных дел, которое возглавил реис-эфенди, одна часть канцелярии *амеди* была предназначена для ведения переговоров с представителями других стран, причем служившие в ней чиновники вели делопроизводство по европейскому образцу. Сами чиновники получали образование в Бюро переводчиков, которое было создано после 1821 г., когда турки перестали пользоваться услугами греков[2]-фанариотов в связи с развитием революционных событий в Греции. Султан Махмуд II, при котором начались коренные преобразования в Турции, стал большим поклонником европейского стиля дипломатического делопроизводства. Он специально изучал переводы нот, представленных Великой Порте от европейских посольств. «Султану понравилась простота, сухость и точность европейского слога, уверяют, - свидетельствовал Базили, - что он лучший редактор дипломатической ноты в своей импе[3]рии».

Вся тяжесть ведения дел с Портой в российском посольстве ложилась обычно на плечи драгоманов. Старший драгоман был уполномочен весть переговоры с турецким правительством, его помощник – с чиновниками более низкого ранга. Обычно драгоманы избирались из числа местных фанариотов, хорошо знавших особенности

---

1. *Дулина Н.А.* Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С.79.
2. Там же. С. 79-80.
3. *Базили К.М.* Очерки Константинополя. Ч. 1. СПб. 1835. С. 183.

и обычаи турецкой повседневности. «С турками надобно особливое обращение» - это замечание Фонтона рефреном проходит при исследовании разных сторон жизни османского общества. В особом здании, отведенном для великой Порты, располагались все министерства и было сосредоточено все управление империей. В Диване председательствовал Великий Визирь, в его отсутствие – *каймакан* (помощник). Главными министрами были *сераскир* – военный министр, *капудан-паша* - морской министр, *реис-эфенди* - министр иностранных дел, *кьяя-бей* – министр внутренних дел и *муфти* – министр духовных дел. До начала реформ Танзимата при султане находилось множество помощников, исполнявших отдельные спецефические обяданности. Выход султана сопровождался большой пышностью, перед ним следовал *дюльбендар-ага,* который нес тюрбан султана, и *симхтар-ага,* несший султанский меч. На *Капыджи,* или начальника придверников, была возложена обязанность предавать шнурок тем, кого султан осудил на смерть. По указу ль 24 февраля 1831 г. все чины Дивана разделялись на 4 класса. Министры 1-го класса «носили кафтан лазоревого цвета с золотыми пуговицами на груди, богатый шитый воротник, саблю с алмазным эфесом и знак занимаемой ими должности[1]».

Венгерский путешественник Г.Вамберги оставил следующие заметки о турецких дипломатах середины Х1Х в.: «Наши (европейские – Е.К.) дипломаты обучаются годами и обыкновенно выбираются из среды аристократии, на Востоке же, напротив того, министрами и дипломатами часто становятся люди, принадлежащие незадолго перед тем к духовенству, к писарям или даже рабочему сословию. Их образование и

---

1. Бессе А. де. Турецкая империя (1 изд. - М. 1860) // История Турции. Киев-М., 2003. С. 183.

их познания очень незначительны, и тем не менее, персидский или турецкий дипломат никогда не теряется в присутствии своего английского, немецкого, русского или французского коллеги… . Самого кратковременного пребывания в Европе или самого поверхостного сношения с европейцами уже достаточно для турецкого или персидского дипломата, чтобы поставить его на один уровень с европ[1]ейскими коллегами». Сословные границы в османском обществе были подвижными, и при отсутствии наследственной аристократии практически любой мог занять высшую ступень власти, обладая нужными связями и протекцией. По словам К.М.Базили, хорошо знакомого с внутренней жизнью турецкого общества, европейские дипломаты вынуждены были мириться с тем, что им приходилось иметь дело с турецкими министрами, которые были пожалованы в это звание «из цирюльников и из конюхо[2]в».

Османская империя была первой страной Востока, которая приняла формы европейской дипломатии и вошла в систему европейских международных отношений. Безусловно, это было связано с тесными контактами Турции с европейскими державами и той заинтересованностью, которую они проявляли по отношению к Ближнему Востоку. Основными принципами турецкой внешней политики на протяжении многих веков являлась изолированность, предполагавшая невмешательство других держав во внутренние дела турецкого общества. Эта позиция предполагала отсутствие координации турецкой политики с действиями христианских стран, что, в свою

---

1. Цит. по*: Дулина Н.А*. Танзимат и Мустафа Решид-паша. М., 1984. С. 16.
2. *Базили К.М.* Босфор и новые очерки Константинополя. Ч.1. СПб. 1836. С. 311.

очередь, не способствовало успехам османского государства в сфере внешнеполитической деятельности. Невыработанность внешнеполитического курса отражала общий кризис центральной власти, экономическую отсталость страны и падение авторитета власти султана. Изоляционизм сослужил Порте плохую службу в годы турецко-египетского кризиса. Мустафа Решид-паша, прошедший европейскую дипломатическую школу, пришел к выводу о том, что Турция должна быть в курсе международной жизни и для этого поддерживать контакты с европейскими державами путем дипломатических отношений. Именно их отсутствие, считал Решид-паша, помогло Мухаммеду-Али привлечь на свою сторону европейское общественное мнение и начать военные действия против султана в 1832 г.

Политика государственной обособленности неблагоприятно сказывалась как на внутриполитическом развитии Турции, так и на ее международном положении. Реформы, проводимые в Османской империи в конце 30-х гг. Х1Х в. и вошедшие в научную литературу под названием реформ Танзимата, были призваны поддержать сохранность Османской империи путем частичной модернизации турецкого общества и проведения некоторых буржуазных преобразований. Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. провозглашал равенство перед законом всех подданных султана независимо от вероисповедания и национальной принадлежности. Безусловно, это было важным шагом в развитии гражданского общества Турции, в котором христиане составляли большую часть населения.

Само появление хатт-и шерифа стало возможным лишь после того, как Решид-паша заручился поддержкой западных держав на преобразования в Турции. Англия и Франция одобрили нововведения (а на Россию

Решид-паша никогда не ориентировался). По замыслу европейских политиков, реформы должны были спасти Турцию от распада и, как следствие, от вмешательства России в раздел «наследства». Следуя этой логике, Россия уже не имела повода вмешиваться во внутренние дела Османской империи, после того, как покровительствуемые ею православные христиане получат некоторые гражданские права. В Великобритании считали, что реформы сделают Турцию более жизнеспособной и она станет играть свою роль в системе европейского равновесия.

Все иностранные послы в Константинополе были приглашены на церемонию оглашения хатта, что должно было придать документу международное значение. Среди своих коллег по дипломатическому корпусу лишь один российский посланник А.П.Бутенев не одобрил этой, по его словам, «ко[1]медии». К.М.Базили в своей книге «Сирия и Палестина» назвал хатт «конституционной пародией». Такое отношение российских дипломатов к нововведению объяснялось очевидностью того факта, что документ, претендовавший на урегулирование внутренних разногласий, не сможет выполнить эту миссию, но повлечет укрепление в Турции позиций Англии и Франции. Внутренние реформы Порты становились лишь средством противостояния тому влиянию, которого в Турции к этому времени добилась Росс[2]ия.

Работа российского посольства в Константинополе велась под пристальным вниманием Азиатского департамента российского МИД.

---

1. *Новичев А.Д.* Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект //Тюркологический сборник. 1972. М.1973. С.389.

2. *Тодорова М.Н.* Англия, Россия и танзимат. М.1983. С.139.

Связи между Константинополем и Петербургом поддерживалась с помощью курьеров, подчиненных почтовой конторе посольства. Обмен депешами, инструкциями, письмами и докладами был упорядоченным и регулярным. Для передачи срочных сообщений существовала фельдъегерская служба.

Деятельность посланников России в Османской империи на протяжении первой половины Х1Х в. протекала в условиях менявшейся международно-политической ситуации, оказывавшей непосредственное влияние на состояние русско-турецких отношений. Обычно пребывание посланников на берегах Босфора обрывалось в связи с началом очередной русско-турецкой войны. Так было в 1806, 1828 и 1853 гг., а также в 1821 г., когда войны удалось избежать, но посольство в полном составе вынуждено было покинуть Константинополь в связи с кризисом русско-турецких отношений, вызванным событиями в Греции. Как правило, после заключения мирных договоров прежний представитель России в Турцию не возвращался. Исключение составил А.Я.Италинский, дважды возглавивший посольство в начале Х1Х в. Кризисные ситуации во взаимоотношениях двух империй становились временными границами деятельности очередного посланника России. Только А.П.Бутенев покинул Константинополь в мирный и стабильный период двусторонних отношений и по своему собственному желанию – к этому времени он находился на посту посланника в течение 12 лет.

В 30-х гг. Х1Х в. османское правительство, придерживавшееся ранее принципов изоляционизма, вынуждено было включиться в международное сотрудничество с европейскими державами. К этому ее подталкивала необходимость найти выход из затянувшегося Восточного кризиса 20-х гг., связанного с событиями Греческой революции. Пальму

первенства в установлении доверительных отношений с Портой захватил Сент-джеймской кабинет. Объявив Грецию воюющей стороной, Англия добилась признания своей посреднической миссии как у греков, так и к турок. Выбрав в союзники Великобританию, османское правительство определило вектор своей внешней политики на долгие годы вперед. Было бы неправильным считать, что турки безоговорочно доверяли англичанам: известно, что они присвоили жителям Альбиона имя *«хокаджи»,* что озн[1]ачало «вольнопродавцы». Тем не менее, о результатах всех русско-турецких переговоров, ведшихся в Константинополе, немедленно становилось известно в резиденции английского посла.

Русско-турецкие отношения первой половины Х1Х в. определялись как общим состоянием европейских международных отношений, так и конкретными задачами, стоявшими перед российской внешней политикой в ближневосточном регионе. Переговоры, к которым вынуждены были прибегать стороны по многочисленным нерешенным вопросам двусторонних отношений, протекали медленно и, зачастую, не вели к урегулированию имевшихся проблем. Этому в немалой степени способствовал обычай ведения переговоров турецкой стороной. Драгоман российского посольства в Константинополе, прошедший в составе Главной квартиры русской армии всю русско-турецкую войну 1828-1829 гг., Феликс Иванович Фонтон оставил в своих «Воспоминаниях» яркую зарисовку, воспроизводящую картину ведения переговоров турками. «С давних времен и теперь – пишет Фонтон, - Порта имела у себя на службе т.н. фанариотов. Фанариоты в дипломатических формах собаку съели. Им известны все уловки,

1. *Фонтон Ф.П.* Воспоминания. Лейпциг. 1862. Т.2. С.178.

которыми можно проволочить время. Этот способ действия, или лучше сказать, бездействия…. есть… постоянное правило турецкой дипломатии[1]».

На затягивание переговоров турецкой стороной неизменно жаловались все российские посланники в Турции. Их неспешное течение подразумевало определенный ритуал, следуя которому работа совместных заседаний прерывалась частыми паузами, во время которых турки предлагали всем присутствующим кофе и трубку. При этом, пишет Фонтон, «приличие в Турции требует не отказываться от этих угощений», тем более, что трубку предлагали «длинную, прекрасным янтарем украшенную, набитую уже и [2]закуренную». «Чубук турецкой трубки бывает обыкновенно вишневый – дополняет французский путешественник, - длиной в три, четыре, иногда в шесть футов; мундштук янтарный, который богато украшают рубинами, изумрудами, алмазами, а самая трубка бывает обыкновенно глиняна[3]я».

Еще одно описание приема в Порте оставил флигель-адъютант императора Николая 1 Н.В.Исаков, сопровождавший в 1849 г. генерал-адъютанта Граббе, который прибыл в Константинополь со специальной миссией. Российская делегация должна была информировать султана о причинах нахождения русских войск на территории Княжеств, что было сделано с целью предотвращения развития революций в Европе. Исаков так описывал происходивший в Порте прием: «Большая зала, устланная коврами и кругом обставленная ковровыми диванами, несколько кресел. Только что уселись, в дверях явилась толпа слуг с чубуками и, как лучи

---

1. Там же. С. 127-128.
2. Там же. С.141.
3. К.Д. Два года в Константинополе и Морее (1825-1826).СПб. 1828 С.64.

из одной точки, рассеялись по гостям с замечательною точностию, все одновременно поставили тазики на пол, уперли в них трубки, обернулись, и каждый из нас, не двигаясь, мог приложиться к янтарю, украшенному драгоценными камнями. Затем такое же новое явление слуг, каждый держал маленькую чашечку на серебряном подносе, прикрыв ее другою рукою. Каждый из нас получил кофе в одно и то же мгновение. В этом заключается хорошая обстановка приема. Затем мы увидели в чашках несколько капель черного кофе без сахара, прихлебнули, выпустили раза три дым из чубуков и у нас все это так же ловко отобрали. В этом кратковременном наслаждении заключается этикет приема[1]».

Принимая во внимание подобное неспешное течение дел, российская сторона не могла рассчитывать на быстрое решение вопросов, подлежащих совместному обсуждению русских и турецких чиновников. Порой российские посланники приходили в отчаяние от бесчисленных проволочек времени. В то же время, вопросы, близко касавшиеся судьбы Османской империи, находили свое разрешение на удивление быстро. Так, Ункяр-Искелессийский договор был заключен без длительной предварительной подготовки – ведь речь шла о сохранении власти султана в стране. Порта сочла условия договора выгодными для обеспечения безопасности Турции в будущем, и хотя западные державы постарались объяснить турецким министрам, что договор выгоден, прежде всего, России, султан воспротивился вмешательству европейских стран в русско-турецкие отношения.

В то же время, переговоры по заключению Адрианопольского мира, несмотря на то, что русская армия стояла «у ворот» Константинополя, проходили медленно и трудно. Турки пытались использовать малейший

---

1. Из записок Н.В.Исакова. //Русская старина. 1914. Кн.1. Т.157 С.64.

предлог для затягивания переговоров с тем, чтобы оттянуть момент подписания нежелательных для себя условий. По свидетельству очевидца, турки «корчатся и вертятся и, для выигрывания времени, и для выказывания какой-то независимости, при каждой статье трактата делают бессмысленные[1] возражения». Более того, настроение турецких уполномоченных зависело от погоды: турки не спешили заключать мир, поскольку был проливной дождь. «С такою погодою… ваше войско двинуться не может. Мы спокойны!» - говорили представители султа[2]на.

Особенности менталитета жителей восточной страны диктовали свои правила приема послов: на аудиенции султана подчеркивалось его величие и унижалось достоинство европейских представителей. Они, как правило, терпеливо сносили подобное обращение, воспринимая его как неотъемлемую часть особенностей чужого мира. К тому же аудиенции давались лишь по прибытии послов в Турцию и отъезде оттуд[3]а.

Прием у султана всегда обставлялся пышно. Традиционно первая аудиенция, которую султан давал прибывшим послам, проходила очень торжественно. Ко дворцу посла провожал отряд из 300-400 всадников. Аудиенции предшествовала церемония *селямлика,* т.е. передачи подарков султану. Затем посла и его свиту одевали в шубы и, держа за руки, вводили в приемную залу. По воспоминаниям французского путешественника, принимавшего участие в церемонии представления султану голландского посланника в 1825 г., султан «был в комнате, убранной превосходными шалями, и сидел, поджав ноги, на троне,

---

1. Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т.2. С.145.
2. Там же. С. 143.
3. Дулина Н.А. Изменения в османской дипломатии (30-е годы Х1Х в.). М. 1975. С.63.

осыпанном драгоценными каменьями и стоящем под блестящим балдахином. На нем была шуба из зеленой материи, опушенная мехом русской черной лисицы; за поясом у него был кинжал, украшенный бриллиантами, и перо, поддерживаемое кучей бриллиантов, украшало великолепную чалму его. Махмуд велик ростом и страшен, черты лица его грубы; глаза живы[1]е, взгляд смелый, вид гордый и важный». Автор заметок был неприятно поражен тем, что султанский чиновник «с насилием сгибал посланника, чтобы заставить его поклониться как можно ниже». Сама аудиенция продолжалась не более трех минут, при этом султан едва удостоил посла кивком головы.

Об этой высокомерной манере поведения султана на официальной аудиенции свидетельствовали и представители императора Николая 1, удостоившиеся встречи с Абдул-Меджидом в 1849 г. К этому времени изменилась одежда турецких чиновников – халат и чалма были запрещены для ношения государственными служащими. Сам султан переоделся в длинный черный редингот (правда, с бриллиантовыми пуговицами), который был введен в обычай еще его отцом Махмудом II, и красную феску, также с бриллиантовыми украшениями. Когда официальная делегация императора была представлена Абдул-Меджиду, он, по заведенному обычаю не сделал «ни малейшего движения, как будто ему пр[2]едставляли воздух». Неизменным остался и обычай раздавать подарки турецким чиновникам: в 1839 г. генерал-адъютанту А.Ржевускому, прибывшему в Константинополь, чтобы предложить султану военную помощь против Мухаммеда-Али, аудиенция стоила 30 тыс. франков, «розданных лицам эскорта в виде бакшиша». Для этого еще

---

1. К.Д. Два года в Константинополе и Морее. С.22
2. Из записок Н.В.Исакова. С.68.

в Петербурге генерал был снабжен значительными денежными средствами, сумма которых сначала привела его в недоумение. Российская делегация не только раздавала подарки, но и получала их: Ржевуский был награжден орденом Нишан Ифтигар, ему подарили кашемировые шали, арабский палаш, усыпанной бирюзою, двух верховых лошадей и бриллиантовую бро[1]шь.

Со времени пребывания в Константинополе французского путешественника в 1825 г. значительно упростился обычай представления султану и весь, пышный некогда, церемониал встречи с ним. Махмуд II так быстро и охотно перенимал западные обычаи, что удостоился осуждения соотечественников, упрекавших его в европеизме, который был заметен прежде всего, во внешних проявлениях. После заключения Адрианополского мира в Петербург был направлен Халил-паша с тем, чтобы уточнить условия выплаты контрибуции. Когда он вернулся в Турцию, покрой его одежды служил образцом для придворных щеголей и самого султана. Обеды и приемы иностранных дипломатов проводились в европейском вкусе, на них присутствовали дамы. «Музыка играла то «Vive Henry IX», то «God save the king», то увертюры Россинни; - писал о приеме в честь больших маневров турецкой армии Базили, - сам султан показался за обедом в этом собрании гяуров и говорил весьма мило с дамами[2]».

Вообще русские путешественники в Турции обычно были неприятно удивлены тем, что их представления о «восточной роскоши» не совпадали с увиденным. В 1849 г. внешний вид султанского кабинета

---

1. Отрывак из мемуаров А.Ржевуского//Исторический вестник. Спб.1913. Т.132. №6. С. 839.

2. Базили К.М. Очерки Константинополя. Ч. 1. С.189.

отнюдь не вызвал восторженных отзывав российской делегации. «Все это довольно поистаскано, комнаты малы и не светлые, все похоже на наши старинные барские деревянные хоромы, в которых лет 30 уже не живут» - делился впечатлениями Н.В.Исаков. В свою очередь Фонтон, прошедший военную кампанию 1828-1829 гг., замечал: «…я, касательно так в Европе прославленной азиатской роскоши, совершенно был разочарован. Она только существует в воображении восточных поэтов. На деле в турецком доме нигде ни порядочно присесть, ни спокойно прилечь нельзя, со всех сторон ветер дует, дождь через плохую крышу в комнату льется, везде[1] грязь, неопрятность и нечистота». Другой европейский путешественник, Коллас, так поделился своими впечатлениями от посещения Османской импреии: «Дорог нет в Турции, поля плохо обработаны, дома дурно построены, не имеют печей, улицы столицы неудобны для проезда экипажей, завалены нечислотами и полны бродячих собак, вилок и ложек не полагается за обеденным столом; но что за беда, они не чувствуют нужды в поддержании цивилизации, зрелище которой находится у них на глаза[2]х».

Попав в Турцию, российские посланники должны были хорошо знать особенности здешней политической жизни, ориентироваться в обычаях и даже предрассудках местных жителей и высокопоставленных чиновников Порты. В этом неоценимую помощь оказывали пероты, состоявшие на русской службе. Большое значение имело и то, что большинство посольских работников прошли многолетнюю дипломатическую выучку в Константинополе, успев познакомиться со

---

1. Фонтон Ф.П.. Указ. соч. Т.2. С.156.

2. Колас. История Турции. СПб. 1882//История Турции. Киев-М. 2003. С.79.

всеми тонкостями восточной политики. О хитрости и плутоватости перотов ходили легенды. «Это как бы особый народ, они приняли даже свой особый костюм, полуевропейский, полутурецкий» - пишет о перотах [1]Н.С.Всеволжский. Галата, по соседству в Перой, когда-то была подарена Михаилом Палеологом генуэзцам за их помощь в борьбе с Балдуином II (1264 г.). С тех пор местные жители пользовались относительной свободой и составляли своеобразную общину в турецкой столице. «В Галате увидите пеструю толпу со всех концов христианского мира. Эта часть города сохраняет во всей первоначальной пестроте своего древнего населения суетно предпиимчивый дух торговых республик Италии. Это не Восток, не мусульманский город, а то, что Европа назвала Левантом – случайный сброд итальянцев, немцев, славян Адриатического залива, греков с Ионических островов, французов, испанцев, англичан, шведов и американцев; между ними[2] исчезают почти коренные жители Востока». Значительную часть жителей Перы составляли католики. Кроме домашних церквей европейских посольств, располагавшихся в Пере, католики в этом районе, по словам Базили, «имеют две церкви, имеют своих капуцинов и иезуитов и исключительное право звонить в два хриплые колокола» - право, уничтоженное для православных христиан во всех турецких зем[3]лях.

«В Пере нет почти ни одного дома турецкого – все европейские, - писал художник И.Захаров, прибывший в Константинополь в 1849 г. на пароходе «Грозный», - а посольства имеют, кроме домов посланников, каждое свою почтовую контору, канцелярию, с[4]вой драгоманат». «Здесь

1. Путешествие Н.С. Всеволжского… Т.1. Спб. 1839. С.258.
2. Базили К.М. Очерки Константинополя. Ч.2. СПб. 1835. С.3
3. Там же. С.227.

находятся дома богатейших людей, разные казенные здания, в том числе дома русского и австрийского посольств, главный кукул или дом обер-полицмейстера, далее дом греческого патриарха, театр, цирк, богатые магазины, кофейни и гостиницы; одним словом, живя в Перской улице, можно забыть, что живешь в мусульманском городе, а не в европейском. Перская улица довольно длинна…, но так узка, что по ней едва может проехать одна коляска…. К тому же на улице рубят дрова, жарят каштаны и исполняют другие хозяйственные работы».

Дипломатическими соперниками российских посланников в турецкой столице были, зачастую, не местные министры, а европейские коллеги, жестко противостоявшие внешнеполитическим инициативам России в регионе. Таким образом, российские дипломаты в Константинополе, имея четкие предписания российского МИД по образу своих действий и достижению желаемых результатов непосредственно в самой Турции, должны были выстраивать отношения с западными коллегами с учетом общеевропейской политической обстановки и тех целей, которые имела каждая европейская держава в Османской империи.

Важнейшей целью английской политики в Турции было сохранение целостности Османской империи. Торговые интересы Великобритании в ближневосточном регионе оставались основой проводимой Сент-джеймским кабинетом политики. Англия стремилась играть, по словам Пальмерстона, роль «арбитра в Европе и тем самым во всем [1]мире». Ее позиция в ближневосточных делах определялась политическими и экономическими факторами, имевшими жизненно важное значение для

---

4. Путевые записки русского художника И.Захарова. СПб. 1854. С.18.

1. Фадеева И.Л. Османская империя и англо-турецкие отношения в середине Х1Х в. М. 1982. С.31.

внутреннего развития государства. Еще в 1807 г. Дж.Каннинг сформулировал доктрину неприкосновенности Османской империи; ей неизменно следовали все его приемники на посту главы внешнеполитического вед[1]омства Британии. Соответственно целью всех английских представителей в Константинополе было ограждение османского правительства от внешней опасности, под которой подразумевалась, прежде всего, российская политика на востоке. Сэр Р.Гордон, Понсонби и Ч.Стрэтфорд-Каннинг (сэр Редклиф) были призваны играть на своем посту посланников роль наставников и советников для «простодушных» турок, чутко реагируя на все изменения международной жизни и те угрозы, которые могли нарушить сложившийся статус-кво в турецкой империи.

Английские дипломаты были серьезными соперниками российских посланников в Константинополе. Чего стоил только один Чарлз Стретфорд-Каннинг! В 1842 г. он вернулся в турецкую столицу, где уже был посланником до Наваринского сражения. Это был умный, энергичный дипломат, непримиримый противник России и личный враг Николая 1, не простивший русскому императору отказ принять его в России в качестве английского посла. Заставший его в Константинополе в 1849 г. личный флигель-адъютант императора Н.В.Исаков вспоминал, что это был «высокий, худой старик вполне английского типа, большой[2] неохотник до России». Сэр Редклиф получил широкие полномочия содействовать проведению реформ в Турции, которые должны были послужить укреплению позиций Великобритании в Османской империи.

---

1. Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М.1985. С.8.
2. Из записок Н.В.Исакова. С.65.

При нем возросла роль английских консулов в турецких провинциях. Они приобретали большое влияние в тех турецких регионах, где учреждались английские представительства. Задачей консулов было способствование продвижению реформ на местах, где, зачастую, нововведения тормозились нерадением местных пашей. Сам Каннинг получил среди дипломатического корпуса Константинополя прозвище «Великого *элчи* (посла)» и «второго султана», которые вполне отвечали тому влиянию, которое он оказывал на турецкое правительство. Его дипломатическая карьера была связана с Турцией: он прошел путь от секретаря посольства и поверенного в делах до поста посланника. Состав английского посольства соответствовал его главе; достаточно сказать, что в 1835 г. секретарем английского миссии стал Уркарт – патологический русофоб, причастный к делу «Виксена», судна, на борту которого к берегам восточного берега Черного моря переправлялся контрабандный груз оружия. Неспроста в штате посольства Уркарт занимался торговыми отношениями и положением черкес[1]ов.

Твердость и решительность, с которой англичане проводили в Турции свою политику и защищали своих соотечественников, вызывали чувство уважения среди российских дипломатов. «Пора нам следовать… началам английского правительства – писал Ф.П.Фонтон в своих «Воспоминаниях». – Где флаг английский развивается, там английский гражданин и его имущество остаются неприкоснов[2]енными». Примером тому может послужить известное дело купца Пачифико – английского подданного. Когда ему был нанесен в Турции материальный ущерб, Великобритания была готова начать военные действия против Османской

1. Тодорова М.Н. Указ. соч. С.88.
2. Фонтон Ф.П. Указ. соч.Т.1.. С. 208.

империи. Конфликт был улажен, но твердость английских намерений была продемонстрирована очень жестко. О том, сколь важное препятствие удаче своей политике в Турции видели российские власти в противодействии ей со стороны англичан, свидетельствует тот факт, что в годовом отчете МИД по Азиатскому департаменту за 1838 г. интриги лорда Понсонби были названы одной из трех важнейших проблем русской политики на Востоке в цел[1]ом.

В своем постоянном противостоянии России на Ближнем Востоке Англия имела верного и заинтересованного союзника – Австрию. Габсбургская империя также стремилась к сохранению статус-кво на Балканах и поддерживала выступления османского правительства против восставших христиан. Однако австрийский канцлер К.Меттерних был далек от того, чтобы явно ссориться или воевать с Россией; напротив, Австрия стремилась подчеркнуть свое дружеское расположение России, нуждаясь в ее помощи и поддержке. Все австрийские представители в Константинополе, носившие название интернунциев, неизменно вставали на сторону России во всех спорных вопросах, возникавших между российским правительством и Портой. Однако, нейтралитет или даже поддержка австрийского двора были настолько шаткими и сомнительными, что российские власти постоянно ожидали подвоха от этого своего «союзника». Точно и образно сказал об этом Фонтон, описывая события русско-турецкой войны 1828-1829 гг.: «Австрийский кабинет поглядит спокойно на войну, и потом шпагу свою бросит в чашу для перевеса» - перевеса [2]сильнейшего из противников. Поэтому,

---

1. АВПРИ. Ф.Отчеты МИД. 1838. Д.5. Л.4.
2. Там же.

получив заверения Австрии в дружественной позиции, российское правительство постоянно ожидало от нее удара в спину.

Что касается Франции, то она не играла активной роли в международных отношениях на Балканах после завершения наполеоновских войн. Ее кабинет предпочитал следовать в фарватере английской политики – эти друзья-соперники неизменно объединялись, когда речь шла о необходимости согласованных действий против России. Это согласие продолжалось до 30-х гг., когда Англия и Россия столкнулись с угрозой открытой поддержки Францией мятежного египетского паши Мухаммеда-Али, выступившего против султана. Именно в это время Франция ясно обозначила сферу своих политических приоритетов в Османской империи. Во французском правительстве существовала точка зрения, согласно которой политический интерес Франции сосредотачивался на Египте, в то время как Константинополь оставался важным лишь с позиции европейск[1]ого равновесия. В этой трактовке расстановки международных сил в Османской империи приветствовалось превращение России в третью морскую державу в качестве противовеса влиянию Великобритании; в этом случае Франции следовало только заполучить Россию в союзницы. Эти гипотетические перспективы были далеки от реального положения дел в Средиземноморье; действительность же заключалась в том, что западные державы были готовы любыми средствами противостоять России в Константинополе и Проливах.

Подводя итоги, можно сказать, что между Россией и Турцией существовали давние налаженные дипломатические отношения.

---

1. Таньшина Н.П. Русско-французские отношения и Восточный вопрос в 1830-1840-е годы.//Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 8. М. 2008. С.160.

Механизм дипломатических связей был достаточно хорошо отлажен и продолжал совершенствоваться. Этому способствовали учреждение постоянного российского посольства в Константинополе, строительство посольских домов – как в Пере, так и на Босфоре в Буюк-дере – улучшение почтовой связи между российской миссией в Константинополе и Петербургом, с конца 30-х гг. осуществлявшейся посредством пароходного сообщения между Одессой и турецкой столицей. Особенности менталитета, а также обычаев, привычек и всего образа жизни жителей восточной страны, безусловно, накладывали отпечаток на способы и методы турецкой дипломатии в целом, порой замедляя и даже противодействуя своевременному принятию политических решений. Однако дипломатические контакты между двумя черноморскими империями оставались стабильными на всем протяжении первой половины Х1Х в., спорные вопросы обсуждались на многочисленных конференциях в Порте, а возникавшие военные конфликты получили свое завершение и правовое оформление на мирных переговорах – в Бухаресте в 1812 и в Адрианополе в 1829 гг.